

Автор: А. И. ПРИГОЖИН

Кажется, история снова подседа к постели нашего общества. Старые недуги опять обострились, а новые надежды стареют от сомнений. Действительно ли Россия вступила в XXI в.? Ведь метить свою историю в астрономическом времени мало смысла. Здесь лучше работают категории социального времени, когда переход от одного этапа к другому обозначается не годами и столетиями, а **событиями**. Так вот, по этой двойной хронологии мы вступили в XXI астрономический век, все еще оставаясь далеко в XX по времени социальному. Где, в каких пластах общества коренится инерция, на что и как там можно повлиять?

"Увы" - это увядшее "ура"

В XX в. ни один руководитель России не уходил без позора. Иногда этот позор был прижизненным, даже и до отставки - Николай П. Л. Брежнев, К. Черненко, М. Горбачев, Б. Ельцин. В других случаях позорной была сама отставка: Н. Хрущев, опять же Горбачев и Ельцин. Бывало, что позором покрывалось имя ушедшего с отсрочкой и посмертно: В. Ленин, И. Сталин. Неизвестно только, как закончил бы Ю. Андропов: его первые меры борьбы с прогулами (облавы в кинотеатрах) вызывали сарказм, а начатый им реформаторский подъем оборвался кончиной его самого.

Поразительно, как всеобщее ликование при взятии власти Лениным, Горбачевым, Ельциным превращалось в нечто противоположное после их ухода. Эта мрачная тенденция мучила царскую империю, Советский Союз и Россию все предыдущее столетие. Удастся ли прервать ее в XXI в.?

Путинский рейтинг воплощал надежды едва ли ни всех. Ни у левых, ни у правых не находилось ему возражений. Впервые за 100 лет свои симпатии ему выразило практически все общество. Но вот возникли первые сигналы о том, что проклятая инверсия XX в. может снова повториться. Среднее большинство пока держит планку доверия президенту довольно высоко. Но идеологически сознательные меньшинства начинают быстро менять свои плюсы на минусы. Хорошо начал, но как он закончит? Тогда и станет ясно: вступили мы в XXI в. или задержались в XX в.

Во многом ответ зависит от того, что за тип лидерства он представляет. До него у нас наследование менялось на самозванство партийных начальников, назначавших самих себя в своем узком кругу. Горбачев представлял собой уступающий тип лидерства, который мог (впрочем, недолго) соответствовать мощному давлению истории, птясь в неизбежность. Он рассчитывал открыть стране форточку, чтобы дать обществу глоток свежего воздуха. Но в нее ворвался мощный шторм, и испуганный Горбачев уже хотел

Пригожин Аркадий Ильич - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой управления персоналом и организационного развития Академии народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации.

закрыть окно наглухо, но было поздно. Поток нового времени смел и его, и то, что он унаследовал. Ельцина вознесли наверх не столько его сторонники, сколько враги, когда на известном пленуме ЦК он стал жертвой гонений и потому героем для уставших от ожидания масс. И чем больше его обижали предвыборными манипуляциями и нападками, тем больше его обожали в стране, а путч вознес его на танк, на Горбачева, на пик власти. Так что это, скорее, инверсионный тип лидерства, приводящий к такому же инверсионному историческому циклу, о котором глубоко и точно сказал А. Ахиезер [Ахиезер, 1997 - 1998].

В. Путин начал с положительной инверсии: он был рекомендован опозорившимся Ельциным. Но странным образом тень бывшего патрона совсем его не закрывала, к удивлению всех он стал кумиром, вышел на собственную траекторию, стремительно набирая высоту. И вот теперь возникает вероятность слома траектории движения. Тяжелый просчет, видимо, сделан в определении самой проблемы Российской истории в приложении к его государственным задачам. Модернизацию у нас предпочитают понимать как административно-экономическую. Преодоление бедности большинства населения - вот главная задача президентского аппарата. Что и говорить - проблема столь же остра, сколь и тяжела для решения. Но надо понять и принять, что она вторична.

Не о той бедности речь...

Если бедность материальная всем понятна и хорошо измерима, то **бедность социальная** по моральным или политическим соображениям тщательно обходится стороной, почти не обсуждается. Под социальной бедностью имеется в виду отсутствие ряда позитивных традиций, ценностей, навыков, поведенческих норм, которые сильно отличают разные народы. В самом деле, почему в мире есть страны, в которых много нефти, газа, леса, а живут они плохо? А есть другие (Япония, например), у которых ничего этого нет, а уровень, качество и продолжительность жизни там - высочайшие.

Один предприниматель рассказывал мне, как хотел помочь подмосковной деревне, где он родился. Там не было никакой работы, прежнее отделение совхоза было ликвидировано. И он решил одно из производств своего бизнеса разместить там, чтобы дать работу 16 землякам. Завез оборудование, обучил рабочих, положил им неплохую зарплату, вызвав у них прилив огромной благодарности и надежд. Производство было основано на несложном химическом процессе, где требовались лишь точность, аккуратность, строгая технологическая дисциплина. Пока он налаживал, обучал, контролировал - дело шло. И он в приподнятом настроении уехал по своим основным делам. Вскоре его помощник заявил, что отказывается от использования изготовленной в деревне продукции: идет сплошной брак. Предприниматель поехал к односельчанам и стал объяснять им, что вынужден будет закрыть и без того не очень рентабельное производство, если они не обеспечат требуемое качество. Те каялись, обещали, но исправились ненадолго. В конце концов этот цех пришлось закрыть, и уволенные работники снова рухнули в нищету.

Предлагаю такой вывод: **именно социальная бедность вызывает материальную, а не наоборот** (см. рис.). Хотим повысить уровень жизни? Это возможно только через повышение качества труда и взаимной ответственности. В самом широком их смысле.

Да, такое понимание этой зависимости контрастирует с материалистическими верованиями большинства наших экономистов, политиков, управленцев. Господствует совсем другое представление: по мере развития экономики, уровня жизни как раз и меняется общая и деловая культура. Но вот показательный пример из нашей практики.

Текстильная фабрика получала шерсть из Омской области. Там на территории бывшего совхоза паслись овцы нужной породы, но пастбища были полны сорняков, семена которых цеплялись за овечью шерсть, и потом на фабрике их довольно дорого и трудно было извлекать. Словом, решили поискать такую же породу овец, но с менее засоренной шерстью. И нашли в Северном Казахстане совершенно нищее хозяйство, тяжело страдавшее от отсутствия сбыта. Шерсть тут была сравнительно чистой не из-за особых

Рис. Взаимосвязь социальной и материальной бедности.

стараний овцеводов, а просто в силу природных особенностей пастбищ. Можно себе представить, как возликовал директор и селяне, когда им предложили хорошие постоянные закупки. И вот на московскую фабрику стала регулярно поступать вполне качественная шерсть.

Внезапно поставки прекратились. Из-за отсутствия там нормальной телефонной связи на фабрику пришлось послать "гонца" для выяснения причин. Найдя директора, он забросал его вопросами: "Что случилось? Почему прекратились поставки?" Тот виновато отвел глаза: "Видите ли, тут нам предложили хотя и разовую, но крупную закупку на 30% дороже. При нашей-то бедности мы, конечно, соблазнились. Но, поверьте, это больше не повторится..." Гонец развернулся и навсегда покинул хозяйство. Контракт был разорван, и начавшее было подниматься хозяйство снова рухнуло в нищету.

Действительно: у них были все материальные условия для процветания - породистые овцы, чистые пастбища, хороший покупатель. Что же подорвало их успех? Отсутствие каких-то элементов деловой культуры, которые никак не менее, а иногда и более важны, чем эти материальные условия.

В любом конце мира можно купить радио и электронные изделия лучших брэндов "Филипс", "Сименс", "Сони" с пометкой "сделано в Китае", но нигде нельзя купить такие же изделия с пометкой "Сделано в России". Не надо утешать себя ссылками на необычайную дешевизну китайской рабочей силы - она уже фактически приближается к нашей. Объяснение кроется в том, что западные инвесторы называют хорошей трудовой этикой.

Что же представляют собой эти культурные компоненты, которые определяют экономическое развитие, его, так сказать, базис? В культуре любого народа есть структура под названием "**этнос**". Он состоит из двух уровней: **ценности** и **нормы**. Нормы - те стандарты поведения, которые практически регулируют деятельность людей. Они привычны для каждой среды. Нормы - это ценности, воплощенные в отношениях, в действиях, в конкретной среде, в конкретных условиях, то, как принято здесь поступать.

Когда мы говорим об основном социообразующем веществе - **ЭТОСЕ**, то есть совокупности норм, образцов, ценностных ориентации, фактически регулирующих деятельность людей, то имеем в виду не декларируемые или задаваемые нормы и ценности, а те, которыми люди реально руководствуются, поступая так или иначе. Конечно, типы этоса сильно варьируют в зависимости от страны, этноса, деловой и организационной культур и типа личности. Но в каждом социуме, большом или малом, есть доминирующий этос.

Происхождение конкретного этоса - труднейшая загадка для социологии, культурологии, этнографии. Попытки объяснить специфику, например, российского этоса природными, климатическими, географическими причинами оказались неубедительными. Слишком много сходных признаков у других весьма преуспевающих народов. Ничего не проясняет и религиозно-церковный фактор. Православие или лютеранство народы избирали уже на основе сложившегося этоса. Вполне возможно, что поиски подобных корней приведут кого-нибудь к биологии, к генам, и тогда проблема окажется еще более тяжелой, даже опасной.

Думаю, что не стоит углубляться до уровня неуправляемых факторов, до тех причин, на которые мы воздействовать все равно не сможем. Давайте иметь дело с управляемой, или воспитуемой, частью этоса. Так или иначе, главное приложение усилий реформаторов экономики государства, управления, сознания должно быть направлено именно на этот нематериальный объект, без изменения которого невозможны столь страстно желаемые и пугающие реформы.

О чьих усилиях идет речь? Конечно, направленное развитие этоса, то есть преодоление социальной бедности требует целеустремленной активности лидеров общественного мнения, всей духовной и культурной аристократии. Но главным субъектом таких усилий в российских условиях бывает власть. Хотя именно власть на протяжении всей нашей истории портила этос, решая за его счет многие материальные или политические задачи.

В телесериале "Россия молодая" был такой эпизод: Петр I решил построить в Архангельске новую флотилию. Он хорошо обучился в Голландии и Англии технологии создания кораблей, умел отличать материалы разного качества и очень ценил своих инженеров. Но когда ему потребовалась многочисленная рабочая сила, он не стал вспоминать, как его учителя ее отбирали, мотивировали, устраивали, договаривались с ней, а послал своих преображенцев в близлежащие деревни и поселки. Те насильно вычистили оттуда взрослое мужское население, оставив погибать обезглавленные семьи. Огромные массы этих невинных каторжан гибли на строительстве кораблей, на их место приводили новых, мобилизованных таким же образом. Флот был построен. Величественный и несокрушимый. Но в народе еще глубже укоренилось убеждение, что государство - враг, близкий и беспощадный, от которого надо прятать себя, свое имущество и совесть.

Этос - грунт. Глубже только гены

Все, что происходит сверху, питается или отравляется именно из этого грунта. Мы не изменим страну, пока не изменим ее этос. Там первопричины проблем. Как можно этого не понимать?

Этос образуется из **ценностей** и **норм** жизни. Ценности отличаются от норм тем, что они гораздо более независимы от окружения человеческой среды, чем нормы. Многие исследования показывают, что весьма преуспевающие сейчас слои нашего населения отрицательно относятся к капитализму и рыночной переориентации страны. Но это не мешает им принять нормы новой жизни и неплохо встраиваться в нее на сугубо деятельностном уровне. Ценности могут быть скрыты в сознании, в душе, а нормы - они наружу, на других, они проявляются только в поведении (в общении, труде). Конечно, связь между ними очень тесная, но не прямая и не очевидная. Следование нормам контролируется средой непосредственно. Реакция окружающих на отклонения от принятых здесь норм может быть немедленной: остракизм, моральная изоляция, осуждение и т.п. вплоть до словесного или физического воздействия. Что же касается ценностей - о них другие могут и не догадываться. Ценностная структура индивида и общества гораздо более сложна, чем нормативная, труднее поддается изменениям, чем нормативная. Для человека может быть значимым одно, но поступает он по-другому - как надо. Ф. Энгельс, искренний коммунист, был хорошим фабрикантом. Немало известных предпринимателей, и не только в России, голосуют за свои компартии.

Однако взаимозависимость ценностей и норм в массовом поведении все же преобладает. Действуя по чужим нормам, личность обычно не выносит раздвоения и усваивает ценности, соответствующие этим нормам, или наоборот. Глубоко исповедуемые ценности так или иначе выразятся в преодолении чужих, навязанных норм.

А как устроен мир ценностей? Они делятся на **идеалы**, то есть ценности сами по себе, по отношению к которым невозможно задать вопрос "зачем?" - здоровье, любовь, счастье, уважение - они самоценны. Есть ценности другого, прикладного порядка, где вопрос "зачем?" не только уместен, но именно их и порождает: качество, эффективность,

взаимная обязательность, конкурентоспособность. Они выработаны практическим опытом. Такие ценности отнесем к категории *идеологем*.

Теперь о нормах. Их состав тоже неоднороден. Очевидно же, что есть нормы общенародные, не то чтобы тотальные, но сильно преобладающие. А есть нормы локальные, свойственные лишь конкретным общностям - национальным, профессиональным, возрастным, тендерным и организационным. В рамках одной и той же совокупности более-менее универсальных деловых норм могут быть совершенно различные типы норм, свойственных разным коллективам.

Взаимосвязь ценностей и норм - одна из причин глубокой драмы самого человеческого существования. В "Сталкере" С. Лема Дикобраз пришел в Комнату, чтобы спасти брата, а вернувшись, внезапно разбогател. Следует пояснение: Комната выполняет только самые сокровенные желания. Он знал свой долг, но Комната вскрыла его потаенное.

Тут интересен вопрос: с чего начинаются изменения в этосе? Образует ли он единую систему? Есть ли в нем иерархия, в которой можно обнаружить начальные или причинные точки развития целого? Однозначного ответа я не знаю. Пока достаточно предположения, что этос в какой-то мере един, и его развитие вполне можно рассматривать в целом, имея, конечно, в виду все его многообразие и неравномерность.

Это важно иметь в виду потому, что развитию этоса присущи асинхронность, несимметричность и даже контрастность. Например, сущностная несовместимость идеалов и повседневности непреодолима. Категорические императивы Нагорной проповеди при всем поклонении им не могут быть полным регулятором жизнедеятельности даже для нравственных гениев на Земле. Кроме того, ценности и нормы слишком многозначны для разных человеческих групп. Справедливость - безусловно, идеал для всех. Но как только мы переводим его на уровень идеологемы, то есть опускаем из философии в практику, то довольно быстро сталкиваемся с противоположным пониманием его даже соседними группами или индивидами. Наверное, нет более кровавой ценности, чем справедливость.

Так что развитие и функционирование этоса всегда драматичны и слабосистемны. Этос составляет базу **культуры** общества, государства, профессии, организации. Но, конечно, он - далеко не вся культура. Культура много шире, в нее входят многие производные этоса - искусство, наука, религия, политика, быт, законность, предметный мир. Этос формирует содержание культуры, воплощается во всех культурных формах.

Этос беден... Так можно оценить несоответствие социальных или инженерных технологий той человеческой среде, в которой они не находят признания, где они либо не воспринимаются, либо перерабатываются до неузнаваемости.

Бедный этос! Так можно пожалеть народ, коллектив, которые перегружают непосильными для них законами, целями, идеологиями.

Этос - **социальный генотип нации, ее личность**. Его можно сравнить и с неким кодом, невидимой программой, которая воспроизводит соответствующие ей стереотипы деятельности. Это социокультурные регуляторы массового поведения, включающие мораль, этику, традиции, верования, представления о должном, ценностные ориентации. Этос складывается двояким образом:

- спонтанно-исторически, в сочетании многих, далеко не всегда ясных обстоятельств, факторов;
- управленчески, в результате решений органов власти, общественных договоров, точнее - их предусмотренных или непредвиденных последствий.

Так что и развитие, и деградация (порча) этоса в какой-то мере контролируемы, если оценивать государственные и организационные решения по их воздействию на эту сферу общества. Зато, устоявшись, этос набирает огромную инерцию. Тогда приходится с ним считаться как с важным объективным ограничением или же, наоборот, с ресурсом для реформ и нововведений.

Сегодня в России этос становится **абсолютным пределом управляемости** страны и реформаторских процессов в ней. Во многом такая ситуация сложилась из-за предыдущих

решений. Скажем, если когда-то на улицы была выпущена масса безденежных милиционеров, они естественно и быстро преобразовали свои функции в "прокорм". Теперь же даже самые искренние усилия руководителей МВД, в том числе и большое повышение зарплаты, не смогут вытеснить из их практики поборы с граждан.

Этос может быть как едкой щелочью, так и питательным бульоном по отношению к различным новшествам. Что стало со свободолюбивыми социалистическими идеями, посеянными на нашей почве и проросшими в виде лагерного этатизма? И с какой благодарностью российский этос усиливает патерналистские инициативы президентов, губернаторов, директоров. Иначе говоря, управленческие решения всех рангов необходимо просчитывать на их, так сказать, **этносообразность**. Оценивать, предвидеть их судьбу после запуска в конкретную социальную среду.

Чем определяется качество конкретного этоса? Например, отношением к **качеству** - труда, отношений, решений, условий, досуга, вещей... к качеству всего. Тотальное качество сейчас в фокусе всемирной конкуренции.

В советское время одежда или транзисторы из доступных нам тогда Риги, а тем более из ГДР вызвали удивленные толки: при той же системе хозяйствования откуда берется столь очевидное превосходство? Современный Китай при еще более устаревшем управлении обходит нас именно в силу природной склонности народа к тщательной и аккуратной работе. Окружающие нас Европа, Восточная и Юго-Восточная Азия доминируют над нами прежде всего по этому ресурсу - неисчерпаемому и возрастающему. Иностранцы инвестируют к нам, если и идут, то в сырьевые отрасли, но не в хай-тек. Шведская ИКЕА размещает у нас только простейшие производства, предпочитая более сложные держать в Польше.

Другой категорический императив сильного этоса - высокая мера **уважения** к себе и к другому. В окружающем нас мире человек многое делает или не делает по причине самоуважения. Навязчивая конфликтность, не всегда осознанное стремление подавлять другого при любом случайном или заслуженном превосходстве (в силе, в статусе и т.п.) перед ним - следствие комплексов, связанных именно с недостаточным самоуважением.

Третье достоинство здорового этоса - взаимная **обязательность**. Именно она определяет надежность договоров, сделок, исполняемость законов, увеличивает стабильность, предсказуемость социальных отношений. Обязательность очень экономна.

Как-то руководительницу одной российско-финской компании я спросил:

- Есть ли какая-то разница в работе финнов и россиян?
- Нет, - ответила она, - мы набираем высококлассных специалистов и там, и здесь. Они одинаково оплачиваются. Разве что одно: если я финну даю задание, то в назначенный срок он дает мне отчет о выполнении. А вот москвичу надо напоминать: ты помнишь, что осталась неделя? А ты уже запросил такого-то?
- Значит, - говорю, - наши специалисты более затратны? Они требуют дополнительной управленческой энергии от руководителя?
- Да, в этом смысле разница есть, - сказала она.

Совершенно недооцененное в нашей стране качество этоса - соотношение **позитивов/негативов** в социальных, человеческих отношениях. Особенно это касается вертикальных, то есть управленческих отношений. Я много раз замерял пропорции поощрений и наказаний в приказах, распоряжениях директоров разных российских фирм: за небольшим исключением у меня всегда получался большой, иногда в разы, перевес в пользу взысканий¹. Репрессивная управленческая культура сильно отличает наш менеджмент от западного. Нам трудно принять тезис: поощрение за положительное эффективнее, чем наказание за отрицательное. А ведь как реагируют большинство людей на наказание? Они "схлопываются" на нижний уровень исполнения, работая на миниму-

---

¹ При этом, конечно, не принимались в расчет так называемые "датские" поощрения - юбилейные, праздничные и т.п. - поскольку их мотивирующее воздействие ничтожно.

ме допустимого. Нет сомнения, что здесь лежит одна из причин нашей отсталости, неэффективности как в хозяйственном, так и государственном управлении.

О низкокачественном этосе принято говорить в терминах вины. Дескать, что ж это мы или вы такие? Почему плохо работаете и еще хуже относитесь друг к другу? Вероятно, основания для упреков тут есть, но не более, чем к человеку со слабым здоровьем (почему не закаляешься? не занимаешься спортом?). Этос общества, как и здоровье человека, наследуем, инерционен и слабоуправляем. Но тут есть и немалые возможности.

Мыслить не политически, а цивилизационно

Итак, этос - *первопричина* любого социума, межцивилизационных и внутрицивилизационных различий. Поэтому именно его развитие должно стать предметом внимания и воздействий. Здесь есть еще неопознанный **ресурс модернизации**.

Как же развивается этос? Во-первых, он меняется сам. Его спонтанная эволюция происходит под воздействием обновляющихся внешних условий - глобальных, европейских, страновых. Новые вызовы нашей конкурентоспособности со стороны мирового хай-тека, достижения в качестве жизни - все это вопросы к нашей самоидентификации: на каком цивилизационном поле мы хотели бы жить?

Взаимные сравнения - мощнейший мотиватор, источник конструктивного напряжения внутри общества. Европейски ориентированные группы все больше понимают связь между экономическим успехом и типом, состоянием своего этоса. Влияние мировых факторов успеха в экономике, уровне жизни наглядно показывают эту зависимость. Кроме того, прямое перемещение сюда предпринимательства зарубежного и хождение за рубеж предпринимательства российского - факторы эволюции посредством этосного **заимствования**.

Далее, отмеченная уже неоднородность этоса все больше приводит к отрыву, авангардному продвижению отдельных его секторов на ценностном, но особенно на нормативном уровне. Даже в самых инерционных секторах отклонения от традиционных норм учащаются вплоть до превращения последних в предрассудок. Рациональная интерпретация некоторых норм придает им противоположную ценность (так произошло, например, со спекуляцией). Эффективность, целесообразность как доминирующие идеологемы растворяют прочность таких стереотипов, как презрение к торговле или нескромность самовыдвижения. Наконец, естественное и неизбежное сопоставление ценностей и норм с потребностями (а последним нет конца) стихийно приводит к ревизии и даже массовой саморефлексии этоса как в хозяйственной, политической, так и в бытовой сферах. Так что этос вполне способен развиваться самопроизвольно.

Однако, если мы считаем необходимым сознательное, направленное преобразование его, то для этого надо предложить средства. Прежде всего **нужны идеологемы** цивилизационного уровня. Коль скоро нет сейчас у нас идеологического лидерства на властном уровне, то распределенный субъект таких воздействий, о котором упоминалось выше, должен формировать и настойчиво распространять, сеять такие идеологемы в массовом сознании. По-моему, самыми актуальными среди них для современной России являются: законность, качество труда - управленческого, творческого и исполнительского - и взаимная обязательность (прежде всего, в деловых отношениях). Такие идеологемы могут стать авангардными на ближайшую перспективу. Они стоят того, чтобы их культивировать в СМИ, в искусстве, в образовании, в семейном и общественном воспитании. Да, это идеологическая работа. С советских времен данное понятие дискредитировано, и ему пора вернуть подлинный смысл.

Распространение подобных идеологем должно вылиться в формирование **образа желаемого будущего** России, ее *VISION* как обобщенной цели для нынешнего исторического периода. Сейчас могут быть два варианта построения такого Образа. Один из них - принятие за него стран Западной Европы, и фактически это происходит, что неизбежно для догоняющей модернизации. Другой вариант - проектирование своего, отечественного будущего с принятием преимуществ некоторых европейских цивилизационных до-

стижений при максимальном избегании характерных для них бед и тупиков. Вряд ли в светском мировоззрении реализуемы другие Образы. Такой Образ может обладать огромной духоподъемной силой для нации, если его выдвижение поднимется на волне сильного лидерства - политического, нравственного, цивилизационного. Интересен в этом смысле пример Мустафы Кемаля (Ататюрка), сумевшего подвинуть клерикально-феодальную Турцию на глубочайшие преобразования за исторически краткое время (сравним с нынешним Туркменбаши, развернувшим свою страну в обратном направлении). Но в современной России нет субъекта такого лидерства. Зато есть другие субъектные возможности.

Право важнее власти. Эмос важнее права

Сейчас для России среди ценностей и норм абсолютный приоритет имеет **законность**. Это исходная точка модернизации. А в структуре законности стартовая позиция - **независимый суд**. Несомненно, что, выдвинув идеологему законности в ряд заглавных, мы обречены на долгую, тяжелую борьбу с самими собой. Но зато значимость ее будет посильнее "конкурентоспособности", ибо сама эта последняя никак не сможет быть достигнута без высокого качества законов, а еще важнее - без качественного правоприменения. Отсюда и только отсюда мы сможем начать путь в европейскую цивилизацию и новое качество жизни. Никакие ценности недоступны без независимого суда и исполнения законов. Качество труда, взаимная обязательность, управляемость страны и бизнеса, уважение друг к другу и к себе - все это совершенно недостижимо без освоения ценностей законности, перевода ее в нормы.

Кто-то должен провозгласить эту идеологему для российского общества, вдохновить ею политические силы, предпринимателей, интеллигенцию, государственную службу. Но тут вопрос - кто станет субъектом такого призыва и примера? Власть? Но какой сектор нашего этоса она представляет? А значит, и какой из них она развивает? Интеллигенция? Безвластные политики? Наверное, субъектом такого воздействия будут те, кто раньше и больше других осознает этос как особо актуальный и специальный объект целенаправленных усилий. Целенаправленных, а не случайных или нечаянных. Так, власть пытается увеличить управляемость России и экономический рост теми методами, из-за которых этос деградирует. Возможно, она и не видит или не ценит этот ресурс модернизации страны. Провозглашенная диктатура закона уже начала было вводить в наш этос приоритет права, но меры по советизации телевидения, кулачные, а не юридические действия против крупнейших собственников обернулись диктатурой законом. Публично унизив юриспруденцию, власть нанесла болезненный урон законности как общественной ценности, всему правосознанию, и без того неразвитому. Стало ясно: она мыслит сугубо политически, а не цивилизационно. **Материальную бедность, действительно, можно уменьшить, усугубив бедность социальную.** Но это возможно лишь на один-другой президентские сроки. А потом обнищавший этос поставит свои пределы росту экономики. Нигде экономическое процветание не возникало на бедном этосе. Так что, видимо, если какая-то власть и сможет стать субъектом обогащения этоса, то не эта.

Когда же в социально мыслящих кругах России созреет осознание, что именно этос есть основной объект развивающей деятельности, реальный субъект этой деятельности может получиться весьма распределенным, дискретным. Главное, чтобы он был согласованным, направленным, объединенным общими ценностями, а не общей структурой. И тогда не исключено, что следующая власть выйдет из этих кругов или сформируется под их влиянием. Не надо говорить, что в России власть - это все. Во власть приходят уже где-то и кем-то воспитанные и обученные деятели.

Далее. Идеологемы не имеют непосредственного выхода на практику, они нуждаются в прагматичном переводе в эмпирические категории. В качестве такой эмпирической категории, связывающей идеологему с практикой, должны стать этические **кодексы**. Кодекс есть мост между идеологемой и нормой. Это тот вид договорного порядка, который не имеет юридической силы, а опирается лишь на силу общественного, коллектив-

ного признания как ценности и постепенного освоения его как нормы (подробнее см. [Пригожин, 2003]).

Социальные инстинкты оздоровления уже стихийно срабатывают в этом направлении. Наиболее сильно это проявляется в виде **профессиональных и организационных кодексов**. Тут и формируются основные субъекты этих социальных инноваций - профессиональные объединения, предприниматели и руководители в среднем и крупном бизнесе.

Кодексы состоят из правил, одобренных, признанных как руководство к действию конкретным сообществом. Эти правила формулируются на основе ценностей, которыми дорожат члены данного сообщества. Цель кодексов - претвориться в нормы жизни, в привычки и нравы, господствующие в этом сообществе, обогатить его этос.

Итак, кодексы есть род социальных инноваций. Они могут стать важнейшим средством самоорганизации гражданского общества. Ведь для их выработки не требуется решения государственных властей и вообще разрешений. Их может формировать любое объединение, даже не зарегистрированное официально. Хотя чем сплоченнее, организованнее сообщество, тем сильнее воздействие его кодекса, тем больше у него шансов преобразоваться в нормы. Коллективные авторы кодексов становятся субъектами цивилизационных изменений в этосах разных профессий и организаций. А из этих сообществ обогащенный этос переходит в межорганизационные отношения, в деловую культуру страны.

Тут есть надежда и путь. Движение по нему постепенно идет. Профессиональные кодексы пошли дальше организационных. Какие ценности они пытаются довести до состояния норм? Чаще всего - обязательность в отношениях между собой и с клиентом, уважение интересов друг друга и вообще - "честной игры". Их авторы - лидеры различных ассоциаций, гильдий, союзов предпринимателей и специалистов, а то и просто организаторы съездов или конференций. Одними из первых таких кодексов были Хартия бизнеса России (1995 г.), Российский национальный Кодекс деятельности в области информатики и телекоммуникаций (1996 г.), Кодекс корпоративного поведения (2001 г.).

Очень слабым местом кодексов до сих пор остается их практическое неприменение. В чем тут дело? Во-первых, в декларативности многих правил, следование которым или отклонение от которых невозможно зафиксировать, например, такие: "Отказаться от недобросовестных форм ведения предпринимательства"... Во-вторых, руководители объединений пока просто не решаются применять санкции к нарушителям.

Формировать альтер-этосы

Совсем другой этап становления этических кодексов - сертификация товаров, организаций и специалистов от имени и по критериям профессиональных объединений. Это уже конкретные действия и результаты: отказ в таком сертификате может быть весьма ощутим для бизнеса. Так, Международная морская организация (ИМО) разработала Кодекс по охране судов и портовых сооружений. ИМО планирует санкции к тем судам и портам, которые не прошли сертификацию. А Международный Лесной попечительский совет ввел для лесопромышленников сертификат "пользователя, не угрожающего экологии". Для получения сертификата лесопромышленник должен доказать свое соответствие 10 критериям, в том числе и обеспечение интересов коренных малых народов, проживающих в регионе вырубки леса. Без такого сертификата уже не продлевают контракты самые крупные покупатели древесины.

Значит - кодексы работают! Таким путем реально меняется этос. Без прокуратуры, Думы и Президента они побуждают к изменению своей деятельности даже тех, кто хотел бы держаться старого. Ведь в какой-то момент следование задаваемым ценностям и нормам, новым образцам поведения становится квалификационным признаком, наиболее выгодным образом деловой жизни. Меньшинство начинает движение по долгу совести или разума, вовлекая еще кого-то авторитетом, перспективой. Интересно: каков удельный вес таких инноваторов должен быть в профессиональной среде, чтобы про-

цесс мог быть доведен до конца, среда стала бы меняться необратимо? В генетике достаточно 25% новых генов, чтобы мутация состоялась. Или в социуме дело решает не процент, а время, ситуация?

Так или иначе, получается побуждение к морали. Ведь люди нередко ведут себя не столько в соответствии со своими склонностями, сколько под влиянием среды обитания. А ее меняют те, кому больше других надо - **социально-активный** элемент (САЭ), присущий любому социуму, хотя всегда это абсолютное меньшинство - несколько процентов всех людей. Но меньшинство неподавляемое. Подавить его очень трудно, разве что истребить. Но просто биологически САЭ воспроизводится снова и снова и проявляется новыми инициативами в самых разных вариантах, иногда и в деструктивных. Это неподавляемое меньшинство инициирует изменения не только реактивно - в ответ на назревшие требования времени, но и проактивно, то есть опережая свое время, ускоряя его замену новым этапом. САЭ распределен неравномерно по временам, территориям, сословиям и профессиям. Но он хорошо заметен своим "жирафизмом", произвольным или намеренным выдвиганием своих голов над окружением. Конечно, его много во власти, но субъектом гражданского действия становятся и безвластные инноваторы, способные к интеллектуальному или организационному лидерству. В какой-то момент они выходят из текущей ситуации на метауровень и вводят в нее импульс развития. В разных профессиональных сообществах их лидеры то ли своим примером, то ли убеждением постепенно преобразуют свои субэтысы, предлагая кодексы и сертификаты, новые стандарты деятельности, взаимный контроль и поддержку.

Хотя изрядно попорченный отечественный этос тоже показал свои возможности противодействовать таким способам оздоровления. Судьба знаменитой сертификации фирм и продукции по стандартам ISO-9000 у нас достаточно известна и печальна: подмены, подтасовки, имитация признаков требуемого качества как попустительство самих сертифицированных. Есть даже черный рынок контрафактных сертификатов в самых разных сферах профессиональной деятельности.

Но именно так формируются **альтер-этосы**, делающие большую цивилизационную работу: доведение ценностей законности, качества, обязательности и т. п. до повседневных норм деятельности. Теперь опыт формирования альтер-этосов следует развивать во всех возможных сферах общества. Оно уже восприимчиво! И надо делать в него все новые и новые вливания Кодексов, проповедей, лучших примеров, ориентирующих на такие преобразования нашего этоса, которые произведут новое качество труда, законности, отношений.

Есть четыре принципа, соблюдение которых повысит жизнеспособность таких кодексов.

1. Правила кодекса должны быть настолько **конкретны**, чтобы нарушения их были наглядными, фиксируемыми. Не надо лозунгов.
2. Правила кодекса должны быть **выше** того поведенческого уровня, который сложился на данный момент. Тогда эти правила будут развивать, задавать уровень, к которому следует стремиться. Не следует повторять в них то, что и так уже есть.
3. Правила кодекса должны быть **выполнимы**, то есть доступны для большинства. Задаваемый ими уровень не должен превышать волевых и нравственных возможностей людей. Иначе получится морализаторство.
4. Правила кодекса должны **применяться** практически, их исполнение контролироваться, оцениваться, нарушения - осуждаться в разных приемлемых формах (от моральной изоляции до исключения из профессионального объединения).

При соблюдении всех этих принципов кодекс будет действенным, инновационным. Именно пренебрежение совокупностью перечисленных принципов делает большинство кодексов фиктивно-демонстративными.

Долги человека

Правда, все это - кодексы, создаваемые "для себя", лидерами "своих" сообществ и для собственного пользования, применительно к практике тех, кто действует в той же сфе-

ре, что и авторы кодекса. Но есть и другое направление кодексной деятельности, еще не апробированное, но очень перспективное. Ведь есть такие профессиональные категории, которым пока не под силу ввести у себя качественные кодексы, соответствующие четырем принципам, названным выше. А тем более - обеспечить их реальное соблюдение. И тогда эту работу за них должны сделать внешние гражданские силы, предъявить кодекс профессиональной деятельности ее участникам как бы извне, как оценивать его исполнение в целом, так и фиксировать отклонения от него буквально поименно. Поименно же выделять лучшие примеры его исполнения.

Каковы же наиболее приоритетные объекты подобной социальной инновации? Куда следует прежде всего инновировать новый этос? Если иметь в виду идеологему "законность", то коренным звеном здесь являются суды. Именно реально независимая и высококвалифицированная судебная система сможет стать отправной точкой в утверждении законности в нашей стране. Но ее бедственное состояние не дает надежды на самооздоровление. Поэтому желательно и возможно сформировать некую влиятельную гражданскую силу, иницирующую разработку, скажем, Кодекса судебной чести, предъявляющую каждому судье лично, а затем публично или конфиденциально оповещающую о мере соответствия его деятельности правилам такого Кодекса. Никаких юридических или организационных следствий эта акция иметь не будет. Но она сможет ввести в правосознание судей некоторые ценности, а затем перевести их в поведенческие нормы, оказывая морально-психологическую поддержку одним и ставя трудные вопросы перед другими. Не исключено также использование подобной этической аттестации и в качестве повода для отвода судей в начале процессуальных действий.

Нечто подобное стоило бы инициировать и применительно к губернаторам, мэрам, выстраивая некий общественный рейтинг с внятыми критериями и, что самое главное, - воздействуя на их мотивацию, поведение через публичную сравнительную их оценку по определенным критериям. Они будут вынуждены оглядываться на такую оценку, считаться с ней.

Тут больше экспертизы, чем общественного мнения. Первую от второго отличает компетентность, которая подкрепляется составом экспертов и методологией. Таким образом, речь идет о *целенаправленном изменении этоса - нашего общества, его грунта средствами гражданского общества, помимо власти, иногда и вопреки ей.*

Западная идеология прав человека формировалась с большим моральным опережением уровня развития большинства стран. Но сейчас ее практика несколько отягощена своего рода гражданским потребительством. Настало время уравновесить (развить) ценность права ценностью долга. Между ними - важное различие: если социальные права человека могут быть обеспечены хотя бы законом, то социальные долги его - только моралью.

Обращение в адрес какой-то должностной группы ("должность" - от "долга") с призывом, требованием и оценкой соответствия, с определенной концепцией долженствования как в коллективном, так и в личном измерениях не останется бесследным. Перед исполнителем должности возникает некий экран, фактически отражающий деятельность его и сообщества. От подобного экрана можно отвернуться, но сначала на него придется взглянуть. Тем более что там все будет в сравнении с другими. А сила взаимного сравнения - мощный мотиватор. Каждый из нас знает это по себе². К тому же, однажды появившись, оно приобретает притягательность и для самого адресата, и для окружающих. Последние тоже как-то воспринимают и учитывают новый факт в отношениях с тем, кто уже отражен на экране. Отражение становится значимым фактом.

Самое уязвимое место здесь - субъект обращения. Тот, кто информирует и применяет экран. Дело даже не в том, что его трудно создать. Его нетрудно сфальсифицировать

---

² Даже при слабой личной нравственности человек нередко вынужден поступать по морали, заданной средой его деятельности, раз он намерен в ней находиться. Если такая закономерность действительно существует, дело это имеет природную основу и надежду.

и уязвить... Реализация идеологемы "долги человека", наверное, больше других затруднена известной **бессубъектностью** нашего общества, неразвитой способностью вырабатывать целенаправленное коллективное действие даже при осознанном общем интересе. Взять, к примеру, реформу ЖКХ. Трудность здесь далеко не только в создании конкурентной среды на рынке коммунальных услуг. Кто будет заказчиком, клиентом с потребительской стороны? Ведь даже полномочные собрания жильцов собираются редко, а значит, и выборы официальных представителей не происходят. Так, старших по подъездам фактически отбирают, "назначают" сотрудники ЖКХ, то есть покупателя формируют продавцы. Получается тупик. И это там, где интересы людей прямо и сильно замыкаются на действия чиновников. А ведь последние очень даже субъектны.

Однако формирование субъектности граждан будет ускоряться по мере осознания необходимости социального действия и накопления опыта. Это процесс со своими стадиями.

Субъектность самоценна. Это факт.

Отсюда - задача **субъективации этоса**, выделения в синкретическом еще обществе точек субъектности разных типов: организованных или спонтанных. Насыщение этоса субъектностью - уже само по себе есть фактор его обогащения, может быть, самый важный.

Ведь ценности и нормы имеют своих массовых носителей, без них они не существуют. Однако "ношение" не требует субъектности. Оно, скорее, объектно в том смысле, что воспроизводится неосознанно, пассивно. Изменения в них, введение новых ценностей и норм требуют субъектов, акторов, способных на сопротивление среде, ее преобразованию. Социальные инноваторы - главные субъекты изменений этоса. Они делятся на тех, кто вырабатывает и выдвигает актуальные идеологемы, и на тех, кто их воплощает, реализует. Разработчики нередко оказываются плохими реализаторами, реализаторы иногда слабо разбираются в идеологии. Совпадения обоих типов инноваторов в одном лице не так уж часты. Хотя такие совпадения высоко инновационны.

Так или иначе, нужны эксперименты, то есть инновационные пробы. Через них пойдет отработка как вариантов воздействия на этос конкретных групп, так и самой субъективации этоса в целом.

В заключение сформулирую ряд **конкретных предложений**. Необходимо:

1. Увидеть в этосе российского общества корневые истоки наших проблем. Именно его бедность, главным образом, нуждается в преодолении как основа для преодоления бедности материальной.
2. Различать исторические и управленческие причины порчи отечественного этоса.
3. Вырабатывать разные средства обогащения его авангардными ценностями, идеологемами, доводя их до общепринятых норм.
4. Стимулировать кодексную деятельность, направленную как на собственные, так и на другие профессиональные сообщества.
5. Разрабатывать этические кодексы, содержащие реальный потенциал формирования альтер-этосов при сочетании четырех признаков: фиксируемость отклонений, напряженность требований, выполнимость, практическое применение.
6. Продвигать авангардные идеологемы, предъявлять их профессиональным сообществам; доведение их до норм жизнедеятельности предполагает субъективацию этоса, обогащает его также и субъектностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. В 2 т. Новосибирск, 1997 - 1998.
Пригожин А. И. Методы развития организаций. М., 2003.